

Прошлое и настоящее слились воедино. Глядя на приближающегося Сун Ваньчэня, Цинь Шо почувствовал, как по спине пробежал ледяной сквозняк, и инстинктивно попытался отшатнуться.

Но деваться в тесной комнатухе было некуда — пара шагов, и он уже упёрся спиной в угол.

Сун Ваньчэнь несколько раз безуспешно попытался удержать его, и от его недавней мягкой улыбки не осталось и следа. Словно догадавшись о чём-то, он переменился в лице, мёртвой хваткой вцепился в запястья Цинь Шо и прижал его к полу.

— Почему ты меня дичишься? — глухо спросил он.

Сун Ваньчэнь наклонялся всё ниже, его дыхание обжигало кожу, а грудь тяжело и неровно вздымалась. Лицо его исказилось от ярости и обиды — таким Цинь Шо его ещё никогда не видел. Оцепенение сковало тело, язык словно прирос к гортани, и юноша не нашёл что ответить.

— Раньше ты так себя не вёл, — с нажимом, роняя каждое слово, произнёс Ваньчэнь. — Ты сам говорил, что примешь меня любым. Что бы я ни сотворил.

Заметив, как белки глаз Ваньчэня наливаются багровой сеточкой лопнувших сосудов, Цинь Шо почувствовал, как к горлу подступает липкий страх. Спорить и пререкаться сейчас было чистым безумием — нужно было во что бы то ни стало вырваться.

— Пусти... Хватит меня давить, пусти! — крикнул он, извиваясь.

Но стало только хуже. Сун Ваньчэнь не просто не ослабил хватку — он навалился сверху всем телом, погребая Цинь Шо под своей тяжёлой, удушливой тенью.

— На Великом собрании бессмертных... ты ведь виделся с тем лисом, верно?

В его голосе не было сомнения — он уже знал ответ. Вперив в юношу безумный, немигающий взор, Ваньчэнь бесцеремонно повёл свободной рукой по его телу, словно обыскивая.

— Надеюсь, мне ничего не почудилось... Цинь Шо, если я обнаружу хоть единый его след на тебе...

Договорить он не успел. Оставленный на столе Меч Сокровенного Света яростно зазвенел. На его лезвии один за другим вспыхнули магические символы. Клинок сам вырвался из ножен и со свистом устремился прямо к шее Сун Ваньчэня. Раздался резкий хлопок — защитный барьер

принял удар на себя. Отрикошетив, меч с глухим стуком вонзился по рукоять в деревянные половицы, от него повалил сизый, пахнувший гарью дым.

Воспользовавшись секундным замешательством противника, Цинь Шо извернулся и высвободил руки. Он рванулся к мечу, но не успел даже коснуться эфеса — его грубо швырнули обратно на пол.

— Гх-х!..

Над самым его ухом раздалось хриплое, прерывистое дыхание Ваньчэня:

— Ты до сих пор держишь на меня зло, да? Из-за того, как я обошёлся с тобой тогда... Но ведь ты сам во всём виноват! Зачем ты мне солгал? Если бы ты не врал, у нас всё сложилось бы иначе. Мы были бы счастливы.

Шершавые подушечки пальцев скользнули по старой, давно затянувшейся отметине на коже Цинь Шо, но в следующий миг Сун Ваньчэнь с силой вонзил ногти прямо в плоть. Дикая, резкая боль прошла тело. Цинь Шо до крови закусил губу, чтобы не издать ни звука. В воздухе отчётливо потянуло металлическим запахом свежей крови.

Цинь Шо терялся в догадках, не понимая, к чему клонит обезумевший старший брат. Обрывки воспоминаний, изредка вспыхивавшие в сознании, не давали полной картины. Судя по тем сценам, что ему удалось вспомнить, до потери памяти он действительно любил этого человека — любил слепо, отчаянно, готовый ради него растоптать собственное достоинство.

Но если всё было так просто, откуда взялась та глухая вражда и жестокость из видений? Неужели виной всему был их младший брат, Бай Юй?

Внезапная догадка озарила его разум. Превозмогая боль, Цинь Шо выдавил:

— Ты ведь увязался за мной... ради Бай Юя? Верно?

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Ваньчэнь замер. Прошло немало времени, прежде чем он глухо выдохнул:

— То, что происходит между нами, никогда его не касалось.

— Прости... я вспылил. Опять не совладал с собой, — Сун Ваньчэнь неожиданно разжал пальцы и заговорил мягче, почти ласково. — И не сердись на младшего брата Бая. Он всей душой порывался искупить вину и отправиться с нами, да только глава ордена его не пустил. Пришлось ему остаться в обители.

Цинь Шо с трудом поднялся на ноги. На лице Ваньчэня уже блуждала безмятежная улыбка, будто мгновение назад он не пытался разорвать его на части. Эти резкие перепады от безумной ярости к нежности заставляли сердце сжиматься от дурного предчувствия.

— Я просто боюсь, что этот хитрый лис снова обведёт тебя вокруг пальца, — продолжал Сун Ваньчэнь, мягко поправляя одежду на плечах Цинь Шо. — Он и раньше так делал: вечно совал свой нос между нами, из-за него наша свадьба откладывалась раз за разом. Стоило ему шепнуть тебе словечко, как ты тут же ко мне охладевал. Не хочу, чтобы всё повторилось.

— Повторилось?.. О каком именно повторении ты говоришь?

Куцых обрывков памяти не хватало, чтобы восстановить картину событий. Цинь Шо понимал, что лезвие бритвы, по которому он ступает, может качнуться в любую секунду, а потому, осторожно отступая назад, решил прощупать почву:

— Не хочешь же ты сказать, что когда-то... я питал чувства к этому лису?

Воздух в комнате мгновенно превратился в лёд. Навалившееся духовное давление едва не прижало Цинь Шо к полу. Ваньчэнь впился в него подозрительным, колющим взглядом. Лишь убедившись, что юноша не лукавит, он ослабил ауру и процедил сквозь зубы:

— Никогда не верь этому лису. Его речи сладки, но лживы.

— Но разве ты сам со мной честен? — Цинь Шо улучил момент, перехватил рукоять своего Меча Сокровенного Света и прижал его к себе, наконец почувствовав хоть какую-то опору. Отступая к выходу, пока спина не упёрлась в дверное полотно, он решил расставить точки над «i», пока ещё оставался путь к бегству. — Когда я очнулся, ты уверял меня, будто мы всегда любили друг друга, и именно поэтому шицзунь благословил наш союз...

— И в этом нет ни капли лжи. Мы действительно были близки.

Сун Ваньчэнь уловил в его интонации опасную фальшь. Глаза его недобро сузились, и он медленно, крадучись, двинулся вперёд:

— Вот только сейчас... мне кажется, твоё сердце больше мне не принадлежит.

— Мои чувства прежние, это ты... — Цинь Шо осёкся на полуслове, внезапно осознав, какую глупость едва не совершил. Выкладывать все карты прямо сейчас было чистым самоубийством. Шицзуня рядом нет, лиса — и подавно.

Они заперты в четырёх стенах, наедине. Сун Ваньчэнь может сотворить с ним всё, что его больному разуму будет угодно, и никто не придёт на помощь.

Здесь только он и Ваньчэнь. Маленькая, глухая комната постоялого двора — идеальное место для любого безумства.

— Что — я?

Сун Ваньчэнь вырос прямо перед ним, нависая и глядя сверху вниз с леденящим душу превосходством.

— Договаривай. Ты ведь так жаждал высказаться.

Цинь Шо судорожно вдохнул ртом воздух. Пытаться отрицать очевидное было бесполезно, и он, стиснув зубы, решил перевести удар на Бай Юя:

— Я лишь думаю... не питаешь ли ты нежных чувств к нашему младшему брату Баю? Иначе с чего бы тебе всеми силами выгораживать его и заставлять меня брать на себя его вину?

Этот выпад не обманул Ваньчэня. Подозрительность в его взгляде лишь усилилась, а дыхание вновь опалило лицо Цинь Шо:

— И это всё? Только из-за этого ты устраиваешь сцены?

Сердце Цинь Шо бешено колотилось в груди, но он заставил себя внешне оставаться невозмутимым:

— Если твоё сердце принадлежит ему, мы можем расторгнуть нашу помолвку прямо сей... гх!

Договорить ему не дали — пальцы Ваньчэня стальными тисками впились в его плечи, с силой впечатывая юношу в дверь.

— Вечно ты угрожаешь мне этим разрывом! — прорычал он, закипая от ярости. — Раньше шантажировал, теперь взялся за старое! Прекрасно ведь знаешь, что к младшему брату Баю я испытываю лишь чувство вины. И виноват в этом ты! Если бы тогда, на краю пропасти, ты не разжал пальцы... Если бы не твоё эгоистичное желание во что бы то ни стало вступить в Безжалостную обитель, разве случилось бы всё это?!

Кое-как справившись с участвовавшим дыханием, он в упор уставился на Цинь Шо, чеканя каждое слово:

— Или ты умудрился позабыть даже то, что произошло в полуразрушенном храме?

Эти слова заставили Цинь Шо замереть в замешательстве.

— Откуда... откуда тебе об этом известно? Мы ведь встретились уже в Безжалостной обители... Или ты знал меня и Бай Юя ещё до того, как мы стали адептами ордена?

Сун Ваньчэнь промолчал, но это молчание было красноречивее любых подтверждений.

Новые зацепки помогали смутным воспоминаниям наконец сложиться в единую мозаику. Теперь Цинь Шо почти не сомневался: вся эта история с утерей священного артефакта и его поспешным признанием вины была тщательно спланированной ловушкой. Но один вопрос не давал ему покоя. Если от него требовалось лишь безропотно принять наказание вместо Бай Юя, зачем Сун Ваньчэнь увязался за ним в изгнание?

Какую тайную цель он преследовал?

Очевидно, существовал ещё какой-то скрытый мотив, о котором он даже не догадывался.

— Впрочем... неважно, — Сун Ваньчэнь внезапно опустил руки и глухо вздохнул. — Ты всё равно ничего не помнишь, так что ворошить прошлое без толку. Сейчас уже никто не разберёт, кто прав, а кто виноват. Давай лучше обсудим завтрашний путь.

Смена темы помогла разрядить удушливую обстановку. Цинь Шо поспешно увеличил дистанцию, отойдя шага на три, и лишь тогда заговорил спокойным тоном:

— Переночуем в Учжэне, а на рассвете выдвинемся в Императорскую столицу. Это крупнейший и богатейший город смертных, где постоянно околачиваются заклинатели всех мастей, так что слухов и сведений там в избытке. В конце месяца там откроется теневой рынок. Среди его торговцев есть выходцы из клана Еша, промышляющие продажей редких сведений. Правда, духовных камней у меня почти не осталось, так что сперва придётся заглянуть в местный ломбард и заложить что-нибудь из вещей.

— В Императорскую столицу? — Сун Ваньчэнь прищурился, и его взгляд сделался опасно-глубоким. — Но ведь это вотчина клана Цзинь. Ты действительно ищешь зацепки... или просто пытаешься встретиться с кем-то конкретным?

Цинь Шо инстинктивно прижал ладонь к груди, защищая припрятанный под халатом мешочек-накопитель, и как можно ровнее ответил:

— Разве среди городов смертных найдётся место, где слухов и вестей ходит больше, чем в столице?

— Но Город Четырёх Образов совсем рядом. К чему делать такой крюк?

Вокруг тонких пальцев Ваньчэня виток за витком начали плестись призрачные Серебряные нити. От них веяло могильным холодом. Нити то мерцали, то таяли в неровных отсветах свечи.

Это было его врождённое духовное оружие, являвшееся миру лишь в минуты, когда хозяин терял душевный покой.

Но, как ни странно, лицо Ваньчэня оставалось совершенно безмятежным, не выдавая бури, бушевавшей в его душе.

— Чтобы попасть в Город Четырёх Образов, нужна специальная подорожная грамота. Оформлять её сейчас — только время терять. Проще сразу затеряться в столице. К тому же шицзунь... — Цинь Шо на мгновение запнулся, собираясь с мыслями, — ...шицзунь предупреждал, что утерянный артефакт можно почувствовать лишь на расстоянии трёх ли. Императорская столица граничит с землями Четырёх Образов. Если мы уловим хоть слабый след, то сразу повернём туда.

— Раз ты уже всё распланировал, мне остаётся только подчиниться.

Ваньчэнь смотрел на него с улыбкой, от которой веяло склепом — глаза его оставались мертвенно-холодными.

В комнате вновь повисло тяжёлое, удушливое безмолвие. Пламя свечи затрепетало, бросая на пол длинную, зловещую тень Сун Ваньчэня. Стоило этой тени качнуться к ногам Цинь Шо, как тот поспешно отступил ещё на шаг.

— Тогда отдыхай. Выдвигаемся на рассвете. А я пойду вниз, сниму себе отдельную комнату.

Не дожидаясь согласия, он решительно рванул на себя дверь. Но стоило ему сделать шаг за порог, как со стороны окна донёлся подозрительный шорох.

— Кто здесь?! — ледяным тоном выкрикнул Ваньчэнь.

Эта сцена показалась Цинь Шо смутно знакомой, и в его мыслях мгновенно всплыл образ рыжего лиса. Сердце испуганно ёкнуло. Не успел он обернуться, как за спиной раздался хищный, чистый звон извлекаемого из ножен клинка.

— Считаю до трёх, — процедил Ваньчэнь, направляя остриё в сторону окна. — И если незваный гость не изволит явить свой лик, не обессудьте — мой клинок слеп к чужим мольбам. Раз...